

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.2>

УДК 330.8

JEL B52, O53

Теория переключающегося режима воспроизводства и институционализм: возможен ли синтез?¹

Андрей И. ВОЛЫНСКИЙ ✉

Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация<https://orcid.org/0000-0002-6786-8870>✉ ava3003@hotmail.com

Для цитирования: Волынский, А. И. (2022). Теория переключающегося режима воспроизводства и институционализм: возможен ли синтез? *AlterEconomics*, 19(3), 424–441.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.2>

Аннотация. Теория переключающегося режима воспроизводства (ПРВ), разрабатываемая под руководством В. И. Маевского, может быть отнесена к числу тех редких макроэкономических моделей, которые, будучи созданы российскими экономистами, не испытали на себе явного влияния прямых иностранных заимствований. Уже одно это обстоятельство актуализирует задачу ее тестирования в отдельных исследованиях. Однако, как и иные макроэкономические модели, теория ПРВ тяготеет к описанию экономической реальности вне ее институционального измерения. Экономическая реальность, словно кантовская «вещь в себе», рассматривается как универсум, подчиненный своим внутренним законам, независимым от экзогенных факторов: политических, культурных, идеологических. Цель представленного исследования — протестировать возможность имплементации в модель ПРВ институциональных факторов. Одним из краеугольных камней модели ПРВ является описание механизма финансирования инноваций в производственном секторе экономики, в том числе имеется в виду процесс обновления основных фондов с учетом их физического и морального износа. Таким образом, в поле зрения модели попадает функционирование банковской системы, рассматриваемой авторами модели через призму иерархий (Центральный банк — коммерческие банки). Однако, как показывает практика, несмотря на развитие системы международной торговли и до известной степени стандартизации принципов функционирования банковских систем в экономиках, участвующих во Всемирной торговой организации, институциональные особенности функционирования банковских систем в мире далеко не идентичны. Аналогично не идентичен и процесс финансирования как инновационного сектора экономики, так и обновления основных фондов. Последний зависит от институциональной среды в национальной экономике и даже от политических факторов. Это мы намерены продемонстрировать на примере Китайской Народной Республики. Практическую значимость исследования мы видим в постановке вопроса о развитии модели ПРВ с учетом институциональной неоднородности национальных экономик через демонстрацию того, что в процессе финансирования реального сектора экономики институты имеют значение.

Ключевые слова: институционализм, институты, теория воспроизводства, КНР, банковская система, экономика развития

¹ © Волынский А. И. Текст. 2022.

RESEARCH ARTICLE

The Theory of the Shifting Mode of Reproduction and Institutionalism: Is Synthesis Possible?

Andrey I. VOLYNskii ✉

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-6786-8870>

✉ ava3003@hotmail.com

For citation: Volynskii, A. I. (2022). The Theory of the Shifting Mode of Reproduction and Institutionalism: Is Synthesis Possible? *AlterEconomics*, 19(3), 424-441. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.2>

Abstract. Like other macroeconomic models, the theory of the shifting mode of reproduction (SMR) developed by Vladimir Mayevsky describes economic reality outside its institutional dimension. Economic reality, like Kant's «thing-in-itself», is viewed as a universe with its own internal laws, independent of exogenous factors such as politics, culture, and ideology. The purpose of the study is to test the possibility of implementing institutional factors in the SMR model. The SMR model seeks to describe the mechanism for financing innovations in the manufacturing sector, including modernization of fixed assets. Therefore, the model also encompasses the banking system, whose functioning is viewed in the light of the hierarchy of the central bank and commercial banks. As practice shows, however, despite the increased standardization of the banking principles across WTO member countries and development of international trade, their banking systems still differ significantly. Likewise, there are different mechanisms for financing of the innovation sector and modernization of fixed assets. The latter, as the case of China illustrates, depends on the institutional environment and political factors. The practical significance of this study lies in the fact that it explores the possibility of developing the SMR model in order to take into account the institutional heterogeneity of national economies and to demonstrate the role that institutions play in the financing the real sector.

Keywords: institutionalism, institutions, reproduction theory, China, banking system, development economics

1. Постановка проблемы

Постсоветские годы стали вызовом для российской экономической науки: выпущенная из идеологической клетки советской политэкономии, она, меж тем, оказалась в ситуации поиска самой себя в пространстве мировой экономической науки. Задача, как показал опыт, оказалась сложной, сродни поиску национальной идентичности, более того, обрела черты последней. Так, Л.И. Абалкин, говоря о российской школе экономической мысли, в качестве определяющих черт выделял ее внимание к социокультурным особенностям российского общества, определявшим своеобразие организации хозяйственной деятельности. За внимание российских экономистов, а речь шла об авторах докоммунистической России, к конкретным особенностям национальной экономики он называл российскую школу «примером реалистической политической экономики» (Абалкин, 2015. С. 65–66). Предложенная Л.И. Абалкиным схема самоидентификации российской экономической школы оказалось широко если не разделяемым, то дискутируемым мнением, равно как и сама обоснованность определения российской экономической школы как отдельного направления экономической мысли.

Масла в огонь дискуссий и противоречий подлил опыт рыночных трансформаций 1990-х гг. и соответствовавших им процессов, происходивших в среде академических экономистов. С одной стороны, стремительное изучение российскими экономистами азов западной экономической теории по западным же переводным учебникам привело к «школярскому» восприятию западной экономической на-

уки как «монолитного здания, лишённого противоречий» (Автономов и др., 2001. С. 86–87). Способ постижения *economics* как целостного концепта, усиленный «некритическим восприятием „экономикс” как вершины научной мысли» (Там же. С. 85), едва ли мог оставить место для творческого процесса российских экономистов-теоретиков и тем более не предполагал поисков национальной научной самоидентичности. В результате дискуссии вокруг российской школы экономической мысли сфокусировались вокруг «анализа трудов российских экономистов второй половины XIX — первой трети XX в.» (Мальцев, 2019. С. 147–148). Сами же теоретические фундаментальные научные исследования авторства российских экономистов на рубеже XX–XXI вв. практически исчезли (Полетаев, 2011. С. 592). Российские экономисты сфокусировались на решении практических задач. Последнее определило добровольное вытеснение себя на периферию развития экономической теории. Показательно, что большинство публикаций российских экономистов в зарубежных журналах оказались посвящены российской экономике. Таким образом, большинство исследований относились к рубрике «региональная экономика», исследовательскому направлению, несколько далекому от авангарда развития экономической теории (Там же. С. 593).

С другой стороны, опыт рыночных трансформаций в странах Восточной Европы и в особенности в России поставил под вопрос универсальность условного *economics*: «первоначальная стратегия реформ, опиравшаяся на стандартные установки ведущей западной школы макроэкономики, зашла в тупик» (Автономов и др., 2001. С. 85). Это дало основания для последующего крайне неоднозначного восприятия западной *economics* российскими экономистами. Более того, излишняя политизация *economics*, проявившаяся в «агрессивном отстаивании либеральных ценностей как неразрывно связанных с *mainstream*» (Макашева, 2006. С. 23), вызывала соответствующую реакцию, предполагавшую отторжение западной науки как чуждой, враждебной национальным традициям и культуре (Автономов и др., 2001. С. 85), что в итоге придало дискуссиям о *mainstream economics* оттенок давних горячих споров между западниками и славянофилами.

Благодаря двум последним факторам — ощущению провала реформ, реализованных, как казалось, по лекалам *mainstream*, и политизации самого *mainstream economics* — вопрос о национальной школе экономической мысли обрел свою легитимность. Аналогичным образом стал актуальным вопрос о формировании своей альтернативы *economics*, с одной стороны, и марксистской политэкономии, с другой стороны (Макашева, 2006. С. 24). Ответом на запрос оказался институционализм, который смог собрать под свои знамена как условных прозападных либералов, так и не менее условных традиционалистов (Там же. С. 26). «Бум институционализма» (Фролов, 2008. С. 12), под именем которого прошло начало XXI в. для российской экономической теории, способствовал формированию своих оригинальных концепций, высокая цитируемость авторов которых показала их аналитическую ценность по крайней мере внутри российского экономического сообщества. Речь идет, например, о теории X–Y матриц С.Г. Кирдиной-Чэндлер (Кирдина, 2014), концепциях В.М. Полтеровича о т. н. «промежуточных институтах» и «институциональных ловушках» (Полтерович, 2007; 1999)¹. Общим лейтмотивом институциональных исследований в России стало объяснение провала реформ 1990-х гг. несоот-

¹ В действительности речь идет о более широком круге исследований и концепций, подробное рассмотрение которых могло бы стать целью отдельной статьи

ветствием имплементируемых реформами институтов российской институциональной среде. В этом контексте институционализм мыслился как альтернатива *mainstream economics* и как способ изучения «„другой экономики”, формирующей специфическое исследовательское поле» (Кирдина, 2015. С. 27). Такое отношение к институционализму как способу академического утверждения «инаковости» отечественной экономики словно бы возвращало российскую экономическую науку к ее истокам, тем, о которых писал Л.И. Абалкин. На этой волне появились работы, доказывавшие, что институциональный подход исторически свойственен российской экономической мысли, в том числе и донаучного ее периода (Иншаков и Фролов, 2002).

Совокупность процессов, о которых шла речь выше, привела к формированию весьма специфических свойств ландшафта российской экономической теории. Так, исследование, проведенное А.А. Мальцевым и Г.А. Баженовым в 2016 г., основанное на анкетировании российских экономистов, работающих в исследовательской среде, показало, что лишь 25,7 % российских респондентов отнесли себя к экономическому мейнстриму, а «однозначно не идентифицирующих себя с „основным течением”» — 39,6 %. (Мальцев, Баженов, 2016. С. 14). На первое место среди своих методологических предпочтений ставят институционализм 36,3 % опрошенных, что, следуя данным авторов, ощутимо выше аналогичных показателей для западных исследователей. Специфическим является и отношение отечественных экономистов к использованию математического аппарата в исследованиях: обязательным использование математического аппарата считают лишь 19,3 % респондентов, эконометрический аппарат в своих исследованиях регулярно используют 15,7 % респондентов, время от времени — 58,9 %. Как отмечают сами авторы, данные несколько смягчают радикальное мнение о том, что популярность среди российских экономистов идеи о поиске «своей» экономической теории, существование которой оправдано спецификой российской экономики, объясняется прежде всего слабостью математического аппарата у исследователей (Там же. С. 18–19).

Несмотря на последнее замечание, зафиксированным оказывается принципиальный для нас вопрос о популярности в России институциональной теории и в целом неортодоксальных экономических течений. Второй важный тезис — низкая вовлеченность математического аппарата при более терпимом отношении к эконометрике, использование которой, впрочем, также не считается обязательным. Если последняя может быть использована в практических исследованиях отечественной экономики, то, в самом деле, несмотря на целую плеяду российских институциональных теорий, рожденных на свет после 1991 г., найти оригинальные макроэкономические модели, разработанные российскими исследователями, достаточно сложно. Одной из таких можно назвать теорию переключающегося режима воспроизводства (ПРВ)¹, разрабатываемую под руководством академика В.И. Маевского в Институте экономики РАН.

О самой теории речь пойдет ниже. Сейчас же сформулируем цель предлагаемого исследования. Теория ПРВ, описывая макроэкономические процессы, в том числе такие, как природа возникновения инфляции, претендует на открытие своего рода общих экономических законов, раскрываемых языком математической

¹ Относительно идентификации ее как «макроэкономической» необходимо сделать некоторые оговорки. Изначально авторы разрабатывали ее как макроэкономическую (Маевский, Малков, 2014), однако в монографии 2020 года она уже именуется авторами «мезоэкономической» (Маевский и др., 2020).

модели. Это ставит ее в один контекст с релевантными моделями *economics*, протест против универсальности которых обусловил интерес российских экономистов к институционализму. Но насколько непреодолим разрыв между универсализмом моделей и институционализмом? Фатальна ли онтологическая пропасть, о которой говорит В.С. Автономов, между экономическим анализом с его методологическим багажом и «экономической мыслью» — плодом рефлексий об особенностях хозяйственного уклада того или иного общества? (Автономов, 2001).

Исходя из сказанного, цель, которую мы ставим перед собой, будет звучать до определенной степени провокативно: на примере теории ПРВ будет рассмотрен вопрос о том, возможен ли синтез между математизированными макроэкономическими моделями и институционализмом¹. К поиску ответа на него мы намерены подойти со стороны теории ПРВ: нуждается ли она в своей институциональной корректировке, что нового ей может дать институционализм с его демонстрацией «инаковости» национальных экономик. Подчеркнем, что целью статьи не является предложить читателю готовый результат синтеза. Напротив, мы лишь рассматриваем саму возможность реализации такового с целью понять, полезен ли учет институционального фактора внутри самих макроэкономических моделей.

2. Теория ПРВ: макроэкономическая универсалия

Говоря о теории ПРВ, мы будем идти вслед за ее авторами (Маевский и др., 2018а). Наследуя классической версии теории воспроизводства Кенэ–Маркса, она отлична от нее тем, что в ее основе лежит описание работы индустриального сектора экономики, тогда как классическая построена на земледелии. Версия Маевского и соавторов строится на следующих предпосылках. Основной капитал индустриального сектора состоит из поколений разного возраста. Каждое поколение является базой макроэкономической подсистемы, способной к самостоятель-

¹ Уточним, что в рамках предлагаемого исследования мы не будем настаивать на жестком противопоставлении классического институционализма начала XX века и новой институциональной экономической теории (НИЭТ). Сравнение «институционализмов» представлено, например, в (Кирдина, 2015). Отметим лишь, что НИЭТ пошла на известной степени слияние с *mainstream economics*, приняв ее базовые предпосылки, пусть и в сглаженном виде. НИЭТ обогатила *mainstream economics* такими категориями как транзакционные издержки, и, вместе с тем, существенно отличается от институционализма начала XX века, который обращал внимание на национальные особенности хозяйственных укладов, их исторические, культурные и даже религиозные корни. Однако, как нам представляется, многие авторы, в том числе и Дуглас Норт, в течение своего творческого пути не были стойкими последователями мейнстрима и радикально аттестовать весь спектр их творческого наследия как один из видов институционализма – значит, сознательно идти на некоторые упрощения. Так, примечательна его работа, в которой он старается «женить» неоклассическую и эволюционную теории, утверждая, что «неоклассическая экономическая теория дает нам понимание работы рынков в развитых экономиках, но в ее задачи не входит объяснение эволюции рынков и экономики вообще. Этой теории присущи три принципиальные недостатка, которые следует преодолеть, чтобы понять процесс экономических изменений. Неоклассическая теория рассматривает такую экономику, которая беспрепятственна (*frictionless*), статична и не зависит от человеческой интенциональности. Под «беспрепятственностью» понимается отсутствие какого-либо «внешнего» вмешательства в работу рынков и отсутствие ресурсов, необходимых для осуществления изменений (транзакционные издержки равны нулю); статична она в том смысле, что при проведении анализа не задействован фактор времени; учет интенциональности требует понимания того, как люди осуществляют свой выбор (Норт, 2010. С. 102). Разумеется, контекстуально наше понимание институционализма в рамках данной работы может оказаться более близким к традиционному институционализму.

ности. Под последним качеством понимается способность к самовоспроизводству основного капитала (программа А) и к производству потребительских благ (программа В). Вплоть до момента физического и морального износа основного капитала подсистема реализует программу В. Это дает подсистеме доход. Часть его сберегается для инвестиций. Когда наступает стадия критического износа, система переходит к программе А за счет накопленных сбережений. Позиция авторов состоит в том, что сам механизм переключающегося воспроизводства в исторической перспективе неизменен. Но эволюционировать может то, что авторы называют механизмом денежного обращения и предложения. От простых форм накопления для последующего инвестирования он эволюционирует ко все более сложным механизмам кредитования.

Теория ПРВ пережила множество итераций в части составления моделей ПРВ. Так, первая модель ПРВ имитировала описанный процесс в докапиталистических экономиках. Таким образом, в модели отсутствовала банковская система с ее механизмами кредитования. Речь шла только о накоплении. Модель ПРВ-2 уже рассматривала процесс в капиталистических экономиках, в нее были включены инвестиционный банк, осуществляющий кредитование обновления основного капитала, и Центральный банк. Соответственно, модель исходила из того, что экономический рост зависит от прибыли, соотношения процентных ставок по выданным кредитам. Модель ПРВ-3 стала результатом включения в ПРВ-2 факторов «внутрифирменного» инвестирования, когда часть необходимых средств для обновления фондов основного капитала перетекает из других подсистем, не нуждающихся в срочном обновлении основных фондов, на безвозмездной основе. Следующим этапом стала модель ПРВ-4, позволившая выйти авторам на их главный тезис о не-нейтральности денег и возможности проведения денежной эмиссии таким образом, чтобы гармонизировать темпы роста ВВП и инфляции. Определяющим условием не-нейтральности денег авторами было названо то, как «распределяется ежемесячная денежная выручка подсистем реального сектора на цели формирования дохода домашних хозяйств (на цели потребления) и на цели накопления ради будущих инвестиций в основной капитал подсистем этого же реального сектора» (Маевский, Рубинштейн, 2021. С. 490).

Декларируемая авторами практическая цель создания теории — поиск теоретических оснований для монетарной политики в России, альтернативной действующей. Тем не менее, работоспособность модели показана не только на российских данных, но также и на данных экономики США и даже СССР (Маевский и др., 2018b). Таким образом, оперируя в том числе и межстрановыми сопоставлениями, теория ПРВ в ее текущем виде говорит о некоей универсальной математизированной модели создания условий для достижения феномена не-нейтральности денег. Интересно, что, оперируя макроэкономическими понятиями инфляции, накопленный, процента, эмиссии, денежного предложения и, наконец, темпов роста ВВП, теория ПРВ как будто стремится расширить границы исследуемого пространства. Так, В.И. Маевский пытается сблизить теорию ПРВ с эволюционной экономической теорией и (нео)шумпетерианством, переводя теорию Шумпетера о новаторах и консерваторах в экономической деятельности на язык теории ПРВ: как подсистемы переключаются между режимами А и В, так и экономические агенты переключаются между инновационной и консервативной стратегиями, следование

ни одной из которых не является постоянным атрибутом того или иного агента (Маевский, 2020).

Используя (нео)шумпетерианский категориальный аппарат, В.И. Маевский вводит теорию ПРВ в контекст теоретической гетеродоксии, одновременно критикуя *mainstream economics* за веру в гомогенность экономических акторов, подчиненных стимулам максимизации прибыли и минимизации издержек (Там же. С 124). Однако своеобразным образом порывая с экономической ортодоксией, теория ПРВ, тем не менее, не сближается с институционализмом. Даже в сравнении моделей СССР, России и США (Маевский и др., 2018b) можно обнаружить, что фактически теория ПРВ «не видит» институциональных различий между странами. Авторы сравнивают динамику параметров макроэкономических показателей, но вне «плоти и крови» институционального измерения. Конечно, говорить о полной индифферентности теории ПРВ к институциональной организации экономик неверно. Так, в работе (Маевский, 2018) автор говорит об иерархической структуре организации экономической жизни, показывая, что особенности координационной связи между центром и агентами (например, тот самый денежный механизм из модели ПРВ) зависят от институционального устройства национальной экономики. Исходя из этого справедливым будет вывести предположение о том, что распределение денежной массы между режимами А и Б, трат и накопления зависит от институциональной среды национальной экономики и принципов (в том числе политических) принятия и реализации соответствующих решений всеми участвующими агентами. Тем не менее внутри самой теории ПРВ институциональный фактор, с нашей точки, пока не прослеживается.

На этом этапе и возникает вопрос, стоящий в центре нашего исследования: возможен ли синтез между макроэкономическими моделями и институционализмом? С одной стороны, на этот вопрос можно дать безусловно положительный ответ. Сошлемся на статью Р.М. Нуреева 2013 года (Нуреев, 2013), в которой он на примере формирования российских учебных курсов говорит о синтезе институционализма, объясняющего своеобразность национальных экономик, и макроэкономической теории. Синтез тем более возможен, если учесть, что отдельные макроэкономические теории имеют схожие с институциональными теориями предпосылки. Так, и в основе посткейнсианства, и теории институтов Норта лежит идентичный тезис о неопределенности и неэрдогичности мира (Розмаинский, 2016). О возможности синтеза говорят также и рекомендации международных организаций для развивающихся стран, которые часто находятся на стыке макроэкономической политики и институциональных реформ (см., например: *Economic Policy Reforms*, 2019)). Более того, экономическая теория знакома с примерами объяснения макроэкономической динамики и ее межстрановых различий через институциональные изменения. Среди классических примеров назовем исследование Дугласа Норта и соавторов (North et al., 2009), а также Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона (Acemoglu, Robinson, 2012). Можно обнаружить и исследования, объясняющие провалы макроэкономической политики, в том числе и инфляцию, особенностями институционального устройства национальной экономики (Acemoglu et al., 2002). С другой стороны, в каждом из случаев речь идет о взаимодополнении институционализма и макроэкономики, когда динамика последней объясняется через призму решающего воздействия институционального фактора: то, что с легкой руки Р.И. Капелюшникова принято называть «панинститу-

ционализмом» (Капелюшников, 2019). Но ни в одном из случаев нельзя говорить о полном преодолении онтологических барьеров между макроэкономическими моделями и институционализмом. Поясним свою мысль на примере творчества Дарона Аджемоглу и его соавторов. В его исследованиях мы можем обнаружить примеры моделирования, но приводимые ими модели либо составлены в доказательство корреляции между институциональной структурой общества и уровнем доходов (Acemoglu et al., 2002. P. 1269–1270), либо являются могут быть отнесены к классу игровых моделей, объясняющих причины той или иной институциональной динамики через проблему коллективного действия (см., например: (Аксемоглу, Робинсон, 2015)), а в классической «панинституциональной» работе (Acemoglu, Robinson, 2012) мы и вовсе не найдем примеров моделирования. В классическом учебнике самого Аксемоглу по современной теории экономического роста есть соответствующая глава, посвященная институтам, политической экономии и экономическому росту, она изобилует моделями, но и там рассматривается собственно политэкономический вопрос консенсуса элит и общества по вопросам эффективного распределения доходов, что, опять же, подталкивает авторов к использованию игровых моделей, даже включение в модели производственной функции Кобба–Дугласа не уводит автора от магистрального пути использования игровых моделей при обсуждении институтов (Аксемоглу, 2018. С. 1297–1379). У этого подхода есть свои первопроходцы, чьи исследования были награждены Нобелевскими премиями. Мы имеем ввиду теорию экономических механизмов Лео Гурвица, Роджера Майерсона и Эрика Маскина (обзор теории см.: (Измалков и др. 2008), а также работы Элиноор Остром, в которых она привлекала аппарат теории игр для решения проблемы трагедии общих ресурсов (Ostrom, 1994). Однако теория игр в большей степени позволяет пролить свет на процессы формирования институтов и расширить институциональную теорию, чем способствует сближению собственно макроэкономического моделирования и институционализма. Исключение, по всей видимости, составляют только исследования, основанные на включении в производственную функцию прокси-переменных, опосредующих институциональные факторы (Диденко, Гринева, 2021).

Упрощая тезис, скажем: популярные макроэкономические модели рассказывают нам о функционировании рыночной экономики, институционализм же может сообщить нам о том, что не все экономики — рыночные, и о том, как может быть реализован транзит от нерыночных экономик к рыночным, а также о сопутствующих транзиту рисках. Но это не значит, что внутри самих моделей будет учтен институциональный фактор. Возвращаясь к приведенной выше цитате Дугласа Норта, неоклассика и (позволим себе дополнение) макроэкономика исходят из того, что трансакционные издержки равны нулю, а сама среда, в условиях которой агенты принимают решения, статична¹. В каком-то смысле абстрактность моделей, их изолированность от конкретных жизненных ситуаций, мотивов и установок участвующих в экономическом процессе агентов, что, в конечном итоге, и интересует институционалистов, — базовое условие самих моделей. Приведем достаточно популярную среди российских экономистов цитату «Как экономисты-теоретики мы организуем наше мышление с помощью того, что мы называем

¹ Исключение необходимо сделать для исходной предпосылки о рациональном выборе агента: макроэкономика в ее исходной кейнсианской трактовке исходила, напротив, из проблемы нерациональности субъектов (Олсон, 2013. С. 22)

моделями. Слово „модель” звучит научнее, чем „басня” или „сказка”, хотя большой разницы между ними я не вижу... Да, я действительно полагаю, что мы просто баснописцы, но разве это не чудесно?» (Рубинштейн 2008. С. 79–80). Полемике вокруг абстрактности моделей посвящена глава в книге Дани Родрика о силе и слабости экономической науки, автора, в широкой библиографии которого можно найти работы, написанные в фарватере новой институциональной экономической теории (НИЭТ). «С точки зрения критиков, именно приверженность экономистов моделям является причиной почти всех недостатков нашей профессии: сведения сложной социальной жизни к нескольким упрощенным взаимосвязям, готовности полагаться на очевидно не соответствующие действительности предпосылки, одержимости выверенностью математических построений в ущерб реалистичности, склонности одним махом переходить от упрощенной абстракции к рекомендациям по государственной политике», — пишет он. И тут же отвечает себе: «в действительности же создаваемые экономистами простые модели совершенно необходимы для понимания того, как устроено общество. Их делают ценными именно простота, формализация и отказ учитывать многие обстоятельства реального мира. Эти качества — необходимая особенность, а не ошибка. Полезной модель делает ее способность ухватить некий аспект реальности. Абсолютно необходимой (при правильном применении) модель становится тогда, когда может уловить наиболее релевантный в данном контексте аспект реальности», впрочем, предостерегая: «различные контексты — разные рынки, социальные условия, страны, эпохи и т. д. — требуют разных моделей. На этом месте экономисты обычно и спотыкаются. Они часто отказываются от самого ценного, что предлагает их профессия, — от многообразия моделей — ради поиска одной-единственной универсальной модели. Если выбирать модели благоразумно, они становятся источником знания. Если использовать их догматически, результатом будут чрезмерное самомнение и неэффективная государственная политика» (Родрик, 2015. С. 40–41).

Таким образом, как нам кажется, запрос на корректировку моделей, например, модели ПРВ, с учетом институциональных реалий национальных экономик имеет право на существование. В развитие мысли добавим, что история знает случаи, когда макроэкономические стратегии стимулирования экономики в реальности терпели поражение, не выдержав битву с поведенческими привычками агентов и инерционностью институтов. Так, причиной провала программ количественного смягчения в Японии отдельные исследователи называют поведенческие привычки японских инвесторов и институциональный дизайн японской банковской системы (Greenwood, 2017. P. 18).

3. Теория ПРВ и пример китайской экономики: так ли важны институты?

Итак, повторимся, конечной на сегодняшний день точкой развития теории ПРВ является тезис о не-нейтральности денег, условием достижения которой является распределение денежной выручки подсистем реального сектора на цели потребления домашних хозяйств и накопления для будущих инвестиций в основной капитал. Теория ПРВ фактически предполагает набор инструкций по настройке доли распределения выручки между потреблением и накоплением для достижения состояния не-нейтральности, при котором темпы роста ВВП будут гармонизированы с темпами инфляции. Но кто и как, используя какие институциональные и политические механизмы, сможет реализовать эти рекомендации в национальной эко-

номике? Ведь, повторимся, пример Японии последних десятилетий показывает, что макроэкономическая модель, в которой просчитана динамика макроэкономических показателей, может «разбиться о быт», когда заложенные в модель меры стимулирования не сработают в силу институциональных и поведенческих причин, а также склонности экономических агентов к оппортунизму.

Далее на примере Китайской Народной Республики (КНР) разберем, какие механизмы могут быть задействованы при распределении по меньшей мере кредитных средств между потреблением и обновлением основных фондов. Банковские власти КНР на протяжении многих лет проводят сравнительно консервативную денежно-кредитную политику, лишь в последние годы смягчая свою позицию под давлением следующих одна за другой волн заболеваемости коронавирусом и введения жестких локдаунов, объективно подавляющих экономический рост. Так, в феврале 2022 г. было сообщено о вливании Народным банком Китая 47,17 млрд долл. на рынок через механизм среднесрочного кредитования (*medium-term lending facility (MLF)*) (China's central..., 2022), тем не менее, ставка кредитования не была опущена ниже 2,85 % (China One-Year Medium-Term Lending Facility Rate, 2022). Механизм *MLF* был предложен китайскими властями в 2014 г. для поддержки коммерческих и политических банков КНР, позволяя им проводить заимствования у Народного банка Китая, используя ценные бумаги в качестве обеспечения, и используется как один из ключевых механизмов повышения ликвидности китайской банковской системы. Так, с использованием этого механизма в августе 2020 г. в экономику было дополнительно влито 100,74 млрд долл. (China central bank injects..., 2020). Поддерживая ликвидность и темы роста ВВП, китайским властям, между тем, удается не разгонять инфляцию. Так, в 2021 г. индекс потребительских цен в КНР вырос на 0,9 % (China Predicts..., 2022). Глядя на эту схематично описанную картину, можно заключить, что властям КНР в самом деле удастся найти баланс между мерами денежного стимулирования посредством поддержания банковской ликвидности, ростом ВВП и удержанием низких темпов инфляции. К сожалению, нам неизвестно о тестировании модели ПРВ на примере экономики КНР, однако рискнем выдвинуть предположение о том, что китайская экономика теоретически может быть рассмотрена как подтверждение тезиса о не-нейтральности денег, так как в КНР удастся удерживать необходимый баланс между кредитованием потребления и инвестированием в основной капитал.

Предполагаем, что решающий вклад в успех вносит институциональная архитектура банковской системы КНР, а именно механизмы политического контроля за функционированием банков. В задачи данной работы едва ли входит подробное исследование банковской системы КНР и механизмов политического контроля за ней со стороны властей. Поэтому сосредоточимся на схематичном описании некоторых важных для нас явлений. Итак, принято считать, что китайская банковская система фактически является инструментом реализации китайским правительством пятилетних планов развития и служит для поддержания инновационной модели развития национальной экономики. Это выражается, в частности, в преференциальном характере получения банковских кредитов государственными предприятиями и крупным бизнесом с государственным участием (Adams et al., 2021). Несмотря на политизацию этого положения западными учеными и использование его в дискуссиях о непризнании за экономикой КНР статуса рыночной (см., например: (Chinese state..., 2021. P. 65), оспорить его достаточно сложно.

Для подтверждения тезиса о том, что основные кредитные потоки направлены на поддержание крупных корпораций, приведем следующие данные. Так, в 2016 г. лишь 20–25 % выданных банковских кредитов были предоставлены предприятиям малого и среднего бизнеса, а, согласно озвученным в 2018 г. данным, в кредитном портфеле четырех крупнейших коммерческих банков, каждый из которых является банком с государственным участием, 70 % кредитов приходилось на коммерческие кредиты и лишь 30 % были получены физическими лицами (Liu, 2018). Отсутствие интереса официальной банковской системы к потребительскому кредитованию в свое время стимулировало бум P2P-кредитования в Китае, и до сих пор подпитывает рынок онлайн-микрокредитования, вплоть до 2020 г. не подверженный строгому государственному регулированию. Причем важными игроками на этом рынке стали отнюдь не привычные структуры банковского сектора, учредителями онлайн-микрокредитных организаций зачастую являются сами производители розничных товаров (The Rise of Consumer..., 2021).

Таким образом, мы предполагаем, что через тонкую настройку кредитных потоков китайским властям удастся находить необходимый баланс между денежной ликвидностью, кредитованием реального сектора экономики и удержанием инфляции. Разумеется, важнейшим инструментом в этом процессе является, помимо общепринятого инструментария банковского регулирования, механизм политического влияния на банковскую систему для создания условий преференциального кредитования реального сектора экономики. За скобками данного исследования мы оставим задачу описания этих механизмов и их встроенности в институциональную среду КНР с ее сложной системой организации власти и распределения полномочий между партийным и государственным аппаратами власти. Скажем лишь, что банковскую систему часто рассматривают как один из ключевых механизмов реализации пятилетних планов и проведения соответствующей промышленной политики (Chen et al., 2017). Подобный фокус рассмотрения предполагает, что банковская система в КНР не является в достаточной степени независимой от политических властей КНР, и воспринимается последними как инструмент влияния на экономическую систему. Вопрос независимости Народного банка Китая, равно как и всей банковской системы, часто поднимается в исследовательской литературе (Wright et al., 2018; Wang, Kennedy, 2021). Легитимности сомнениями о независимости принимаемых внутри банковской системы решений и их подчиненности задачам пятилетнего планирования придает сам закон о народном банке Китая, из которого следует, что он подчинен Государственному совету КНР, и принимаемые им решения, в том числе по ключевой ставке, проходят через утверждение Государственного совета (Law of the People's Republic of China on The People's Bank of China, 2003), задачи же регулирования самой банковской системы решает не сам Народный банк Китая, а Комиссия по регулированию банковской и страховой деятельности Китая (China Banking and Insurance Regulatory Commission), так же находящаяся в подчинении у Государственного комитета КНР. Организационное раздвоение сфер банковского регулирования между Народным банком и Комиссией при подчиненности обеих структур Государственному совету, вкупе с устойчиво прослеживаемой корреляцией между задачами пятилетнего планирования, их реализацией и распределением кредитных средств банками, когда кредиты идут на развитие проектов в рамках пятилетних планов, в ущерб кредитованию малого и среднего бизнеса (Chen et al., 2017), позволяют говорить

о том, что банковская система КНР принципиально отлична по своим институциональным параметрам от банковских систем рыночных экономик западных стран. А это, в свою очередь, делает более контролируемым процесс распределения кредитных средств и обеспечивает стабильные кредитные потоки для реального сектора экономики.

Отметим лишь, что институциональный фактор в распределении потоков между потреблением и инвестированием играет, по всей видимости, определяющую роль. Рискнем предположить, что модель ПРВ в ее следующей итерации могла бы в качестве одной из переменных учитывать степень политической независимости национальной банковской системы от гражданских властей в рассматриваемой экономике. Это позволило бы, с нашей точки зрения, конкретизировать модель и механизмы возникновения различного рода эффектов от кредитной эмиссии, о которой говорят авторы модели (Малков, Рубинштейн, 2022), так как мы полагаем, что в разных экономиках оно может зависеть от особенностей институциональной среды, создающих условия для получения и соответствующего расходования кредитов.

4. Заключение

Итак, целью нашего исследования был заявлен вопрос о возможности синтеза теории ПРВ с институционализмом посредством имплементации в первую институциональных факторов. Постановка вопроса, с нашей точки зрения, обусловлена логикой развития экономической теории в России последних десятилетий, когда вопрос об универсальности макроэкономических моделей *mainstream economics* был подвергнут сомнению, а на первое место при формировании макроэкономических стратегий многими была поставлена необходимость учета институциональных особенностей национальных экономик. Экономическая теория знает примеры сосуществования институционализма и макроэкономики, когда макроэкономическая динамика объясняется через институциональные изменения. Следующим шагом такой исследовательской модели является формирование практических рекомендаций по институциональным реформам для развивающихся экономик с целью достижения целевых показателей динамики макроэкономического развития. Однако нам неизвестны примеры включения в макроэкономические математизированные модели институциональных факторов. Тому есть причины, главная из которых — сложность в математизации институциональной теории, если, конечно, речь не идет о трансакционных издержках, имеющих значение для НИЭТ. Тем не менее, мы предприняли попытку показать, что внутри самой теории ПРВ *institutions matter*, так как, в конечном итоге, именно от институтов зависит успех реализации модели на практике. Хотя последнее пока и не отражено в математической модели ПРВ.

Список источников

Абалкин, Л. И. (2015). В поисках самоопределения российской школы экономической мысли. *Научные труды Вольного экономического общества России, 195(6)*, 57-78.

Автономов, В. (2001). История экономической мысли и экономического анализа: место России. *Вопросы экономики, 2*, 42-48.

Автономов, В. С., Ананьин, О. И. и др. (2001). Экономическая наука, образование и практика в России в 90-е годы. *Вопросы экономики, 1*, 84-95.

Асеомглу, Д., Робинсон, Дж. А. (2015). *Экономические истоки диктатуры и демократии*. Пер. с англ. С. В. Моисеева; под науч. ред. Л. И. Полищука» Г. Р. Сюняева, Т. В. Натхова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 512.

Аксеомглу, Д. (2018). *Введение в теорию современного экономического роста*. В 2 кн. Книга 2. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 928.

Диденко, Д. В., Гринева, Н. В. (2021). Советский экономический рост в межстрановой перспективе: роль финансирования науки. *Историческая информатика*, 1(35), 48-65. DOI: <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2021.1.34708>.

Измалков, С., Сонин, К., Юдкевич, М. (2008). Теория экономических механизмов (Нобелевская премия по экономике 2007 г.). *Вопросы экономики*, 1, 4-26. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-1-4-26>.

Иншаков, О. В., Фролов, Д. П. (2002). *Институционализм в российской экономической мысли (IX-XXI вв.): В 2 т. Т. 1*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 486.

Капелюшников, Р. И. (2019). *Contra панинституционализм: препринт WP3/2019/03 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, Серия WP3 «Проблемы рынка труда», 84.

Кирдина, С. Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию*. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История, 468.

Кирдина, С. Г. (2015). Институционализм в России в 1930–2010-е гг.: инверсионный цикл? *Journal of Institutional Studies*, 7(2), 6-37. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037>.

Маевский, В. И., Малков, С. Ю. (2014). Перспективы макроэкономической теории воспроизводства. *Вопросы экономики*, 4, 137-155. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-4-137-155>.

Маевский, В. И., Малков, С. Ю., Рубинштейн, А. А. (2018(a)). Об эволюции моделей переключающегося режима воспроизводства. *Актуальные проблемы экономики и права*, 12(4), 816-827. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.816-827>.

Маевский, В. И., Малков, С. Ю., Рубинштейн, А. А. (2018(b)). Анализ экономической динамики США, СССР и России с помощью модели ПРВ. *Вопросы экономики*, 7, 82-95. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-7-82-95>.

Маевский, В. И. (2018). Мезоуровень и иерархическая структура экономики. *Journal of Institutional Studies*, 3, 18-29. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.018-029>.

Маевский, В. И., Малков, С. Ю., Рубинштейн, А. А., Красильникова, Е. В. (2020). *Теория воспроизводства капитала и не-нейтральность денег*. М.; СПб.: Нестор-история, 160.

Маевский, В. И. (2020). Концепция переключающегося режима воспроизводства и эволюционная теория: вопросы методологии. *Вестник университета*, 8, 123-126. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-8-123-126>.

Маевский, В. И., Рубинштейн, А. А. (2021). Концепция макроэкономической политики компромисса между инфляцией и ростом. *Журнал экономической теории*, 18(4), 485-496. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.1>.

Макашева, Н. А. (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х –1990-е годы): революция и рост научного знания. *Экономические и социальные проблемы России*, 1, 12-32.

Малков, С. Ю., Рубинштейн, А. А. (2022). Моделирование кредитной эмиссии в растущей экономике: долгосрочные эффекты и эксцессы. *AlterEconomics*, 19(1), 185-200. DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.11>

Мальцев, А. А., Баженов, Г. А. (2016). Теоретико-методологическая архитектура российского сообщества академических экономистов. *Известия Уральского государственного экономического университета*, 6(68), 13-22.

Мальцев, А. А. (2019). Российский взгляд на мезоэкономику (О книге «Мезоэкономика: состояние и перспективы» под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер, М. А. Дерябиной). *Вопросы экономики*, 9, 147-157. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-9-147-157>.

Норт, Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 256.

Нуреев, Р. М. (2013). На пути к созданию новой макроэкономики: вклад институционализма. *Journal of Institutional Studies*, 5(1), 6-20.

Олсон, М. (2013). *Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз*. М.: Новое издательство, 324.

Полегаев, М. А. (2011). К вопросу о российском вкладе в мировую экономическую науку. *Неклассическое наследие*. Отв. ред. И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 572-607.

Полтерович, В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы. *Экономика и математические методы*, 35(2), 3-20.

Полтерович, В. М. (2007). *Стратегии институциональных реформ, или искусство реформ: Препринт WP10/2007/08*. М.: ГУ ВШЭ, 24.

Родрик, Д. (2015). Экономика решает: сила и слабость «Мрачной науки»: пер. с англ. Е. Головляницыной). *Экономическая социология*, 16(4), 39-59.

Розмаинский, И. В. (2016). Посткейнсианцы и Дуглас Норт о неопределенности и институтах: пропущенная связь? *Journal of Institutional Studies*, 3, 35-46. DOI: <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.035-046>.

Рубинштейн, А. (2008). Дилеммы экономиста-теоретика. *Вопросы экономики*, 11, 62-80. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-11-62-80>.

Фролов, Д. П. (2008). *Эволюционная перспектива институциональной экономики России*. ГОУ ВПО «ВолГУ»; науч. консультант О. В. Иншаков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 462.

Adams, N., Jacobs, D., Kenny, S., Russell, S., Sutton, M. (2021). China's Evolving Financial System and Its Global Importance. *Bulletin — September 2021. Reserve Bank of Australia*. Published: 16.09.2021. URL: <https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2021/sep/chinas-evolving-financial-system-and-its-global-importance.html> (дата обращения: 15.06.2022).

Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J. (2002). Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *The Quarterly Journal of Economics*, 117(4), 1231-1294.

Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J., Thaicharoen, Y. (2003). Institutional causes, macroeconomic symptoms: volatility, crises and growth. *Journal of Monetary Economics*, 50(1), 49-123.

Acemoglu, D., Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N. Y.: Crown Business, 529.

Chen, Donghua, Zhen, Li Oliver, Xin, Fu (2017). Five-year plans, China finance and their consequences. *China Journal of Accounting Research*, 10(3), 189-230. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cjar.2017.06.001>.

China central bank injects 700 billion yuan of MLF loans, rates steady for fourth month (2020). Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-economy-mlf-idUSKCN25D042> (дата обращения: 15.06.2022).

China's central bank injects liquidity into market (2022). English.gov.cn. URL: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202202/15/content_WS620b3e12c6d09c94e48a510d.html (дата обращения: 15.06.2022).

Trading Economics (2022). China One-Year Medium-Term Lending Facility Rate. URL: <https://tradingeconomics.com/china/bank-lending-rate> (дата обращения: 15.06.2022).

China Predicts Low Inflation Based on Western Monetary Moves (2022). Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-06/china-predicts-low-inflation-based-on-western-monetary-moves?srnd=premium-europe&oref=Y0jVLcFo> (дата обращения: 15.06.2022).

Chinese State Capitalism. Diagnosis and Prognosis (2021). A Report of the CSIS Trustee Chair in Chinese Business and Economics and Freeman Chair in China Studies. In Kennedy S., Blanchette J. (Eds.), 96.

Economic Policy Reforms 2019: Going for Growth. Paris (2019). OECD Publishing.

Greenwood, J. (2017). The Japanese Experience with QE and QQE. *Cato Journal*, 37(1), 17-38.

Liu, J. (2018). The rise and fall of China's online P2P lending. *TechNode*. URL: <https://technode.com/2018/08/02/the-rise-and-fall-of-chinas-online-p2p-lending/> (дата обращения: 15.06.2022)

North, D. C., Wallis, J. J., Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press, 346.

Ostrom, E., Gardner, R., Walker, J. (1994). *Rules, Games, and Common-pool Resources*. Michigan, the USA: University of Michigan Press, 392.

The Rise of Consumer Finance in China to Bolster Consumption (2021). Fitch Ratings. URL: <https://www.fitchratings.com/research/corporate-finance/the-rise-of-consumer-finance-in-china-to-bolster-consumption-28-01-2021> (дата обращения: 15.06.2022)

Wright, L., Rosen, D. (2018). China's Economy and the Importance of the Financial System. *Credit and Credibility: Risks to China's Economic Resilience*. Washington, the USA: Center for Strategic and International Studies (CSIS), 4-18. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep22486.4> (дата обращения: 08.07. 2022).

References

Abalkin, L. I. (2015). V poiskakh samoopredeleniya rossiyskoy shkoly ekonomicheskoy mysli [In Search of Self-Determination of the Russian School of Economic Thought]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]*, 195(6), 57-78. (In Russ.)

Acemoglu, D. (2018). *Vvedenie v teoriyu sovremennogo ekonomicheskogo rosta [Introduction to modern economic growth]*. In 2 books. 2nd book. Moscow, Russian Federation: Publishing house "Delo" RANEPa, 928. (In Russ.)

Acemoglu, D. & Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N. Y.: Crown Business, 529.

Acemoglu, D. & Robinson, J. A. (2015). *Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii [Economic origins of dictatorship and democracy]*. Translated by S. V. Moiseev. In L. I. Polishchuka, G. R. Syunyaev, T. V. Natkhov (Eds.). Moscow, Russian Federation: HSE Publishing House, 512. (In Russ.)

Acemoglu, D., Johnson, S. & Robinson, J. (2002). Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *The Quarterly Journal of Economics*, 117(4), 1231-1294.

Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J. & Thaicharoen, Y. (2003). Institutional causes, macroeconomic symptoms: volatility, crises and growth. *Journal of Monetary Economics*, 50(1), 49-123.

Adams, N., Jacobs, D., Kenny, S., Russell, S. & Sutton, M. (2021). China's Evolving Financial System and Its Global Importance. *Bulletin — September 2021. Reserve Bank of Australia*. Retrieved from: <https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2021/sep/chinas-evolving-financial-system-and-its-global-importance.html> (Date of access: 15.06.2022).

Avtonomov, V. (2001). Istoriya ekonomicheskoy mysli i ekonomicheskogo analiza: mesto Rossii [The History of Economic Thought and Economic Analysis: The Place of Russia]. *Voprosy ekonomiki*, 2, 42-48. (In Russ.)

Avtonomov, V. S., Ananyin, O. I. et al. (2001). Ekonomicheskaya nauka, obrazovanie i praktika v Rossii v 90-e gody [Economic science, education and practice in Russia in the 1990s]. *Voprosy ekonomiki*, 1, 84-95. (In Russ.)

Chen, Donghua, Zhen, Li Oliver & Xin, Fu (2017). Five-year plans, China finance and their consequences. *China Journal of Accounting Research*, 10(3), 189-230. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cjar.2017.06.001>.

China central bank injects 700 billion yuan of MLF loans, rates steady for fourth month (2020). Reuters. Retrieved from: <https://www.reuters.com/article/us-china-economy-mlf-idUSKCN25D042> (Date of access: 15.06.2022).

China Predicts Low Inflation Based on Western Monetary Moves (2022). Bloomberg. Retrieved from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-06/china-predicts-low-inflation-based-on-western-monetary-moves?srd=premium-europe&sref=Y0jVLcFo> (Date of access: 15.06.2022).

China's central bank injects liquidity into market (2022). English.gov.cn. Retrieved from: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202202/15/content_WS620b3e12c6d09c94e48a510d.html (Date of access: 15.06.2022).

Chinese State Capitalism. Diagnosis and Prognosis (2021). A Report of the CSIS Trustee Chair in Chinese Business and Economics and Freeman Chair in China Studies. In Kennedy S., Blanchette J. (Eds.), 96.

Didenko, D. V., Grineva, N. V. (2021). Sovetskiy ekonomicheskiy rost v mezhranovoy perspektive: rol' finansirovaniya nauki [Soviet Economic Growth through the Interstate Prism: the Role of Research Funding]. *Istoricheskaya informatika [Historical computer science]*, 1(35), 48-65. DOI: <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2021.1.34708>. (In Russ.)

Economic Policy Reforms 2019: Going for Growth. Paris (2019). OECD Publishing.

Frolov, D. P. (2008). *Evolutsionnaya perspektiva institutsional'noi ekonomiki Rossii [Institutional Economics in Russia: An Evolutionary Perspective]*. Monograph. Volgograd State University; Scientific Consultant O. V. Inshakov. Volgograd, Russia: Publishing House, Volgograd State University, 462. (In Russ.)

Greenwood, J. (2017). The Japanese Experience with QE and QQE. *Cato Journal*, 37(1), 17-38.

Inshakov, O. V., Frolov, D. P. (2002). *Institutsionalizm v rossiyskoy ekonomicheskoy mysli (IX-XXI vv.) [Institutionalism in the Russian Economic Theory (IX – XXI Centuries)]*. In two volumes. Volume 1. Volgograd, Russian Federation: Publishing House of Volgograd State University, 486. (In Russ.)

Izmalkov, S., Sonin, K. & Yudkevich, M. (2008). Teoriya ekonomicheskikh mekhanizmov (Nobelevskaya premiya po ekonomike 2007 g.) [Theory of Mechanism Design (2007 Nobel Prize in Economics)]. *Voprosy ekonomiki*, 1, 4-26. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-1-4-26>. (In Russ.)

Kapeliushnikov, R. I. (2019). *Contra paninstitutsionalizm: preprint WP3/2019/03/ [Contra Pan-institutionalism: Working paper WP3/2019/03/]*. National Research University Higher School of Economics. (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). Moscow, Russia: Publishing House of the Higher School of Economics, 84. (In Russ.)

Kirdina, S. G. (2014). *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu [Institutional Matrices and Development in Russia: an Introduction to X & Y Theory]*. 3rd Edition, Revised, expanded and illustrated. St.Petersburg, Russia: Nestor-Istoriya, 468. (In Russ.)

Kirdina, S. G. (2015). Institutsionalizm v Rossii v 1930–2010-e gg.: inversionnyy tsikl? [Institutionalism in Russia in 1930-2010s: an Inversion Cycle?]. *Journal of Institutional Studies*, 7(2), 6-37. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037>. (In Russ.)

Liu, J. (2018). The rise and fall of China's online P2P lending. *TechNode*. Retrieved from: <https://technode.com/2018/08/02/the-rise-and-fall-of-chinas-online-p2p-lending/> (Date of access: 15.06.2022).

Maevskiy, V. I., Malkov, S. Yu., Rubinstein, A. A., Krasil'nikova E. V. (2020). *Teoriya vosproizvodstva kapitala i ne-neytral'nost' deneg [The theory of capital reproduction and the non-neutrality of money]*. Moscow; St Petersburg, Russia: Nestor-istoriya, 160. (In Russ.)

Maevsky, V. I. & Malkov, S. Yu. (2014). Perspektivy makroekonomicheskoy teorii vosproizvodstva [Perspectives of the macroeconomic Reproduction Theory]. *Voprosy ekonomiki*, 4, 137-155. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-4-137-155>. (In Russ.)

Maevsky, V. I., Rubinstein, A. A. (2021). Kontseptsiya makroekonomicheskoy politiki kompromissa mezhdu inflyatsiei i rostom [The Concept of Macro-Economic Policy Based on the Compromise between Inflation and Growth]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 18(4), 485-496. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.1>. (In Russ.)

Maevsky, V. I. (2018). Mezouroven' i ierarkhicheskaya struktura ekonomiki [Mesolevel and Hierarchical Structure of the Economy]. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 18-29. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.018-029>. (In Russ.)

Maevsky, V. I. (2020). Kontseptsiya pereklyuchayushchegosya rezhima vosproizvodstva i evolyutsionnaya teoriya: voprosy metodologii [Concept of Switching Mode of Reproduction and Evolutionary Theory: Issues of Methodology]. *Vestnik universiteta*, 8, 123-126. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-8-123-126>. (In Russ.)

Maevsky, V. I., Malkov, S. Yu., Rubinstein, A. A. (2018(b)). Analiz ekonomicheskoy dinamiki SShA, SSSR i Rossii s pomoshch'yu modeli PRV [Analysis of the economic dynamics of the US, the USSR and Russia with the help of the SMR-model]. *Voprosy ekonomiki*, 7, 82-95. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-7-82-95>. (In Russ.)

Maevsky, V. I., Malkov, S. Yu., Rubinstein, A. A. (2018(a)). Ob evolyutsii modeley pereklyuchayushchegosya rezhima vosproizvodstva [On the evolution of the model of shifting mode of reproduction]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]*, 12(4), 816-827. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.816-827>. (In Russ.)

Makasheva, N. A. (2006). Ekonomicheskaya nauka v Rossii v period transformatsii (konets 1980-kh — 1990-e gody): revolyutsiya i rost nauchnogo znaniya [Economics in Russia during the period of transformation (the end of the 1980s — 1990s)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii [Economic and Social Problems of Russia]*, 1, 12-32. (In Russ.)

Malkov, S. Y., Rubinstein, A. A. (2022). Modelirovanie kreditnoy emissii v rastushchey ekonomike: dolgosrochnye efekty i ekstsessy [Modeling Credit Emission in a Growing Economy: Long-Term Effects and Excesses]. *AlterEconomics*, 19(1), 185-200. DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.11>. (In Russ.)

Maltsev, A. A., Bazhenov, G. A. (2016). Teoretiko-metodologicheskaya arkhitektura rossiyskogo soobshchestva akademicheskikh ekonomistov [Theoretical and Methodological Architecture of the Russian Society of Academic Economists]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Journal of the Ural State University of Economics]*, 6(68), 13-22. (In Russ.)

Maltsev, A. A. (2019). Rossiyskiy vzglyad na mezoekonomiku (O knige "Mezoekonomika: sostoyanie i perspektivy" pod red. V. I. Maevskogo, S. G. Kirdinoy-Chendler, M. A. Deryabinoy) [Russian view on mesoeconomics (On the book "Mesoeconomics: State and perspectives" edited by V. I. Maevsky, S. G. Kirdina-Chandler, M. A. Deryabina)]. *Voprosy ekonomiki*, 9, 147-157. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-9-147-157>. (In Russ.)

North, D. (2010). *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy [Understanding the Process of Economic Change]*. Translated from English by K. Martynov, N. Edel'man. Moscow, Russian Federation: HSE Publishing House, 256. (In Russ.)

North, D. C., Wallis, J. J., Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press, 346.

Nureev, R. M. (2013). Na puti k sozdaniyu novoy makroekonomiki: vklad institutsionalizma [Towards a New Macroeconomics: Contribution of the Institutionalism]. *Journal of Institutional Studies*, 5(1), 6-20. (In Russ.)

Olson, M. (2013). *Vozvyshenie i upadok narodov: ekonomicheskii rost, stagflyatsiya i sotsial'nyy skleroz [The rise and decline of nations economic growth, stagflation, and social rigidities]*. Moscow, Russian Federation: Novoe izdatel'stvo, 324. (In Russ.)

Ostrom, E., Gardner, R. & Walker, J. (1994). *Rules, Games, and Common-pool Resources*. Michigan, the USA: University of Michigan Press, 392.

Poletaev, M. A. (2011). K voprosu o rossiyskom vklade v mirovuyu ekonomicheskuyu nauku [The issue of Russian contribution to World Economic Science]. *Neklassicheskoe nasledie [The Nonclassical Heritage]*. In I. M. Savel'ev (Eds.)) National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia: Publishing House of Higher School of Economics, 572-607. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (1999). *Institutsional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy* [Institutional Traps and Economic Reforms]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economic and Mathematical Methods], 35(2), 3-20. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2007). *Strategii institutsional'nykh reform, ili iskusstvo reform: Preprint WP10/2007/08* [Institutional Reform Strategies or Art of Reforms: Working paper WP10/2007/08]. Moscow, Russia: Higher School of Economics, 24. (In Russ.)

Rodrik, D. (2015). *Ekonomika reshaet: sila i slabost' "Mrachnoy nauki": per. s angl. E. Golovlyanitsynoy* [Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science]. Translated from English by E. Golovlyanitsyna. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 16(4), 39-59. (In Russ.)

Rozmainsky, I. V. (2016). *Postkeysiansy i Duglas Nort o neopredelennosti i institutakh: propushchennaya svyaz'?* [The Post Keynesians and Douglas North about Uncertainty and Institutions: the Missing Link?]. *Journal of Institutional Studies*, 3, 35-46. DOI: <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.035-046>. (In Russ.)

Rubinstein, A. (2008). *Dilemmy ekonomista-teoretika* [Dilemmas of an Economic Theorist]. *Voprosy ekonomiki*, 11, 62-80. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-11-62-80>.

The Rise of Consumer Finance in China to Bolster Consumption (2021). Fitch Ratings. Retrieved from: <https://www.fitchratings.com/research/corporate-finance/the-rise-of-consumer-finance-in-china-to-bolster-consumption-28-01-2021> (Date of access: 15.06.2022).

Trading Economics (2022). *China One-Year Medium-Term Lending Facility Rate*. Retrieved from: <https://tradingeconomics.com/china/bank-lending-rate> (Date of access: 15.06.2022).

Wright, L. & Rosen, D. (2018). *China's Economy and the Importance of the Financial System. Credit and Credibility: Risks to China's Economic Resilience*. Washington, the USA: Center for Strategic and International Studies (CSIS), 4-18. Retrieved from: <http://www.jstor.org/stable/resrep22486.4> (Date of access: 08.07. 2022).

Информация об авторе

Волынский Андрей Игоревич — научный сотрудник, Институт экономики РАН; <https://orcid.org/0000-0002-6786-8870> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: ava3003@hotmail.com).

About the author

Andrey I. Volynskii — Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-6786-8870> (32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: ava3003@hotmail.com).

Дата поступления рукописи: 31.05.2022.

Прошла рецензирование: 20.06.2022.

Принято решение о публикации: 15.07.2022.

Received: 31 May 2022.

Reviewed: 20 Jun 2022.

Accepted: 15 Jul 2022.